

УДК 398

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ В ФОЛЬКЛОРЕ ДАРГИНЦЕВ: ТЕМАТИКА И СЮЖЕТЫ

Ф. А. Алиева

Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы ДНЦ РАН

В статье рассматриваются основные тематические циклы, мотивы, образы, сюжетные особенности и другие художественные приемы исторических преданий в устном народном творчестве даргинцев.

The basic thematic cycles, motifs, images, subject peculiarities and other poetic methods of historical traditional stories in Dargin folklore are described in the article.

Ключевые слова: даргинский фольклор; исторические предания; тематический состав; Тимур; Надир-шах; уцмий; Кавказская война.

Keywords: Dargin folklore; historical traditional stories; thematic composition; Timur; Nadir-shah; utsmiy; Caucasian war.

Исторические предания в фольклоре даргинцев – это интереснейший материал, представляющий целое хранилище сведений об истории края, об общественно-политической жизни того или иного села. Предания связаны с историческими событиями, имевшими место в реальной действительности, и нередко могут служить единственным источником, подтверждающим их достоверность.

Большое количество исторических преданий даргинцев о борьбе с иноземными захватчиками, с местными феодалами вошли в труды известного дагестанского ученого историка Р.М. Магомедова [1–3 и др.]; они также опубликованы в сборнике Б.Г. Алиева [4].

Среди исторических преданий особый интерес представляет цикл о героической борьбе горцев против Тимура, принесшего всем народам Кавказа неисчислимые бедствия. В конце XIV в., разгромив войска Золотой Орды, Аксак (хромой) Тимур начал покорять народы Кавказа. Он в массовом порядке истреблял людей, уничтожал и разорял села, не щадя даже стариков и детей, превращая в руины все, что встречалось на его пути [5].

В даргинском фольклоре известно немало преданий о том, как Тимур разорил Кайтаг. Земли, подвластные Кайтагскому уцмию, были опустошены и разграблены. Жители аула Баршамай до сих пор хранят в своей памяти предание, в котором рассказывается о кровавой расправе тимуровских войск над непокорными аульчанами. После захвата аула по приказу Тимура всех жителей, не пощадив даже грудных детей, стариков, женщин, согнали на гумно, связали их по рукам и ногам, а потом растоптали конницей.

Из фактов истории известно, что после Кайтага Тимур отправил свои карательные отряды в аул Ушкуджа (Усиша). Прикрывая свои злодеяния лозунгом распространения ислама, Тимур разграбил село, сровнял его с землей, а затем жителей постигла та же участь, что и баршаминцев. И здесь народная память сохранила предание о растоптанных конницей аульчанах. Предания с аналогичным сюжетом есть почти у всех народов Дагестана.

Известно также, что Тимуру пришлось вести длительную борьбу, чтобы захватить Кадар [6]. И естественно, что покорение Тамерланом аула породило ряд преданий и легенд. В одном из таких преданий рассказывается, что враги никак не могли сломить кадарцев. Тогда захватчикам пришлось пойти на хитрость. Вблизи родника разведчики Тимура повесили на дерево штаны с тремя штанинами; утром старуха, шедшая за водой, увидев эти штаны, воскликнула: «У нас в Кадаре 7777 домов, в каждом из них есть мужчины, но ни одного не видела с тремя ногами!». Об услышанном разведчики доложили Тимуру. Он понял, что одной силой аул не возьмешь. Поэтому он послал в аул 7777 сундуков будто бы с подарками. Их внесли в Кадар. Ночью, когда все спали, из сундуков вышли воины Тимура и перерезали почти всех мужчин.

Даргинцам известны предания, когда против могущественного завоевателя выступали простые люди из народа. Ярким образцом может служить предание, записанное Р.М. Магомедовым [7] о кривом предводителе даргинцев Губдене. В нем рассказывается, что, когда войска Тимура окружили отряд Губдена, последний послал к нему людей, сказав, что хочет видеть повелителя вселенной. Тимур разрешил Губдену приехать к нему. Тогда Губден сел верхом на быка и, прибыв к Тимуру, сказал: «Я, кривой, имею тебе, хромому, задать один вопрос: что мы за люди и что из себя представляют наши владения и наши богатства, чтобы такому завоевателю и могучему царю, как ты, подобало, придя сюда, переносить лишения и воевать с нами? И что именно ты можешь от нас получить?» Тимур спросил: «Если ты говоришь так, то почему

же ты пришел в мой лагерь с таким малым отрядом?» Губден ответил, что у него действительно людей мало, но зато вокруг этой местности много населенных пунктов и там живут мужественные люди. Тимуру понравились эти смелые слова. Он одарил Губдена, пощадил его людей и сделал его владельцем всех земель и угодий, причисленных теперь к селению Губден. Губденцы считают, что они происходят от того самого кривого Губдена, который посмел так бесстрашно говорить с грозным Тимуром.

Много преданий даргинцев посвящено нашествию Надир-шаха и захвату им кайтагских селений, и это не случайно. Из фактов истории известно, что Кайтаг не раз бывал ареной опустошительных нашествий иранского шаха. Сохранилось предание о том, как в одном из нашествий Надир-шаха на село Кубачи войска его расположились к югу от аула, за горой Цицила, откуда, как на ладони, было видно все укрепленное селение. Из-за непогоды персы не могли двинуться с места в течение сорока дней, и хотя они стреляли по аулу, пули не достигали селения. Между тем кубачинцы, пользуясь туманом и дождем, приближались к персидскому лагерю и обстреливали его, причем, по рассказам, их пули даже перелетали через дальние границы лагеря. В результате Надир-шах потерял столько воинов, что ему пришлось уйти, потерпев неудачу. Когда шах вернулся на родину и его спросили, что он видел там, на чужбине, он ответил: «Слепоту днем и ад ночью» [8].

С походом на Кубачи Надир-шаха связаны разные сюжеты, бытующие как в форме преданий, так и легенд. Так, один из местных старожилов рассказывает: «Были страшные нашествия, но успеха они не имели. Однажды персидский шах Надир, желавший весь мир подчинить своей власти, окружил войсками аул и по вечерам рассматривал его в подзорную трубу. Послав гонца к кубачинцам, он предложил им сдаться без боя. Кубачинцы сказали, что на следующий день пришлют своего представителя с ответом. Вечером по зову глашатая собрались все сельчане-мужчины. Старейшина сообщил им ультиматум Надир-шаха. Тогда один из кубачинцев предложил им свой план: на крышу каждого дома поставить по одному, по два, по три мучала (водоносный сосуд у кубачинцев), напоминающих маленькие пушки, и направить их на войско персов. Это и было сделано ночью. Утром Надир-шах с удивлением увидел, что на каждой крыше, как ему показалось, находятся пушки. А кубачинцы послали своего посла с ответом, что они отвергают его предложение и готовы к бою. Когда стемнело, они зажгли на каждой крыше смоляные пакли. Персы подумали, что сейчас начнется обстрел их лагеря и в панике убежали. “Если в Зерихгерани (Кубачи. – Ф.А.) так хорошо делают оружие, – сказал Надир-шах, – то почему бы им не делать самим пушки и не иметь их по несколько в каждом доме?”» [9]. Это предание под названием «Мучалы» известно в различных вариантах, среди них имеются и более ранние, «достоверные», как вышеприведенное, и художественно дополненные, переработанные в процессе бытования, но во всех случаях в основе их нет чудесного, то есть такого, принципиальную возможность чего в реальности нельзя было бы допустить [10].

Интересно, что одним из вариантов предания «Мучалы» является и сюжет об осаде Кубачи русским князем Аргутинским (XIX в.), записанный известным русским этнографом Е.М. Шиллингом и приводимый Л.И. Жирковым в своей книге «Язык аула Кубачи» [11]. Когда Аргутан (так называли Аргутинского в народе) подошел к Кубачи, один старый человек посоветовал всем жителям установить на своих плоских крышах в горизонтальном виде мучалы, направив их горлышка в сторону русского войска. Мучал в таком положении действительно издали мог показаться пушкой. Аргутинский, увидев на всех крышах домов кубачинцев эти мнимые пушки, испугался и увел войско.

Оригинальная и характерная только для данного этноса форма водоносной посуды – мучала – помогает обмануть врага. Так этнографический атрибут – аксессуар национального кубачинского быта – выступает в предании важным компонентом, выполняющим значительную идейно-художественную функцию. Со временем такие предания отрывались от конкретного события и становились средством обобщения и типизации. Другой вариант этого предания – «О том, как Надир-шах не смог взять село Кубачи» [11] повествует о том, как Надир-шах, не сумев взять Кубачи силой, пошел на хитрость. Источник, из которого брали воду кубачинцы, находился за селением. Надир-шах решил лишить кубачинцев воды и заставить их сдаться. Однако источник усиленно охранялся кубачинцами. Поэтому Надир-шах приказал вырыть ход длиною в 500 метров к нему от горы Табалла муда. Но кубачинцы перехитрили Надир-шаха. Они вынесли на крыши своих домов бронзовые кувшины, в которых носят воду, и поставили их, как пушки. В один кувшин положили известь и затем залили ее водой. Издалека казалось, что это пушка дымится после произведенного выстрела. Увидев множество таких «пушек» на крышах домов, враги не осмелились напасть на селение и ушли.

В приведенных преданиях использован типологически широко распространенный у многих народов мотив избавления от врагов хитростью, определяемый исследователем русского

фольклора Н.А. Криничной как «имитация множества противостоящих врагу сил при их немногочисленности в действительности» [12]. Так, у аварцев на этот мотив известна легенда о военной хитрости гидатлинцев, часто воевавших с хунзахским ханом из-за земли [13].

Чтобы врагу показалось, что движется большое войско, в аварском предании «Военная хитрость гидатлинцев» разбрасывают золу во все стороны и поднимают пыль: ...предводитель гидатлинцев пошел на хитрость: он приказал всем женщинам и подросткам надеть мужские одежды и пойти с разных сторон к месту боя, все время бросая в воздух золу и пыль. Или же в другом предании: золой набивают большие глиняные кувшины, сбрасывают их с горы вниз, поднимается огромное облако пыли, которое издалека представляется как идущие отряды людей («Как каратинцы обманули Хунзахского хана»). У рутульцев также бытует предание «Осел тоже помогает богатеям» [14], в котором рассказывается, как рутульские богатеи с помощью обмана и хитрости захватили богатства соседей сел. Кусер.

Все эти вариации однотипного мотива подтверждают, что под влиянием соответствующих условий в процессе длительного бытования происходит наполнение этого мотива новыми историческими и локальными реалиями, которые создают, в свою очередь, новые сюжетные ходы, ситуации, эпизоды. Со временем мотив этот настолько переосмысливается и соответственно перестраивается сюжет, что он становится вымыслом. Его современная форма привела к таким качественным изменениям, что на этой основе складывается новое произведение, уже не укладывающееся в традиционные рамки повествования. Одну из таких трансформированных форм предания представляет сюжет даргинского рассказа «Как горец спас свое село» [15]. Жил-был один горец. Как-то он отправился в дорогу по своим делам. Шел снег, потом поднялся сильный ветер, и он, усталый, к вечеру еле дошел до своего старого кунака. Он нашел его хмурым, без настроения и спросил, что случилось, почему он такой грустный. Друг объяснил, что завтра через Агунь идут войска захватить село Лигай. Выслушав его, горец сказал:

– Не волнуйся, что-нибудь придумаем, у вас есть зола? Если есть, заполните ею две пары хурджинов и подготовьте одного ишака, побритого и с отрезанными ушами.

Сделали все, как было предложено. Утром гость положил обе пары хурджинов с золой на ишака и отправился к краю села. Когда войска (около 1000 человек) дошли до нижнего моста, он предупредил сельчан, чтобы никто не выходил, и сказал, что он один с ними справится, а сам сделал дырку в хурджинах, намазал зад ишака скипидаром и отпустил его к мосту. Ишак со страшным ревом и столбом поднявшейся от золы пыли помчался к мосту. Все в панике бросились бежать, только один старик, спрятавшись под мостом, вблизи увидел ишака. После этого он вернулся в селение и рассказал сельчанам, что такого страшного зверя в своей жизни он видел и что тот зверь обещал никого в их село не пускать. Неприятеля послали к ним на примирение нукеров и сообщили, что больше воевать с ними и захватывать их селение они не будут. А победителю сельчане дали два хурджина золота и признали его большим мудрецом.

Рассказ представляет собой своеобразную повествовательную форму, сочетающую элементы предания, сказки и устного юмористического рассказа. В нем есть реалистический зачин («Жил-был один горец... как-то он отправился в дорогу по своим делам...»), локализация события (село Лигай) и сказочно оформленная концовка (одаривание победителя золотом). В основе его лежит известный мотив избавления от врагов хитростью, имитирующий «множество противостоящих сил», а точнее – его элемент с помощью комедийного эпизода: чтобы создать видимость отпора врагу, выпускается ишак, подмазанный скипидаром, побритый, с отрезанными ушами, нагруженный хурджинами с золой. Такое комическое переосмысление традиционного мотива – свидетельство трансформации его структуры, наполнения совершенно новым содержанием. Это произведение – как бы пародия на известный в преданиях мотив избавления от врагов хитростью. Существование подобных рассказов в современный период говорит о том, что жанровые границы преданий могут быть зыбкими, неустойчивыми, могут видоизменяться. Приспосабливаясь к новым изменившимся условиям и новому мировоззрению, они могут облекаться в другие, близкие ему, но созвучные новому времени повествовательные формы.

В преданиях, построенных на мотиве избавления от врагов хитростью, как отмечалось, прослеживаются и юмористические элементы, комические действия; в них иногда фигурируют женщины, и конечная победа наступает именно благодаря их хитроумным поступкам. Эпизоды хитрости и обмана часто сходны и однотипны, они все более насыщаются реальным содержанием, которое приобретает в различной этнокультурной среде соответствующую окраску.

Большое количество исторических преданий посвящено правлению уцмиев и талканов. В них они показаны с самой неприглядной стороны. Так, талканы из сел Уркарах, Хадаги, Ахмедкент, Чумли всячески измывались над местным населением, притесняя их данью и поборами. Они отбирали продукты, лошадей, даже сено и дрова. Их притеснения доходили до того, что перед свадьбой они забирали к себе невест на несколько дней и только потом отпу-

скажи их к жениху. Один ахмедкентец, не желая отдавать свою невесту талкану, убил его и вместе с невестой убежал из Ахмедкента в село Шиляги. И таким образом образовался в селе Шиляги тухум, родственник ахмедкентцам.

Известны предания, повествующие о событиях, когда разгневанный народ мстил своему угнетателю. Так, в предании об ауле Кища рассказывается о Цирцталхане, который славился своей особой жестокостью. Он сурово наказывал жителей за малейший проступок. Аульчане решили убить его. Они обступили его дом, но Цирцталхан, предвидя, чем это может закончиться, переодевшись в женскую одежду, бежал из аула.

С правлением губденских талханов, их произволом и насилием в народе также связаны различные сюжеты. Среди них известны особенно тягостные воспоминания о ветви губденских талханов по имени Кахруманы. Предания рассказывают о них как о наиболее жестоких угнетателях. Однажды терпению губденцев пришел конец: обозленные сельчане обложили дома Кахруманов сеном и подожгли их вместе с обитателями [16].

Как талханы, так и уцмий, используя свое положение, жестоко притесняли местное население. В предании, записанном М.-С.К. Умахановым [17], рассказывается о бесчинствах, которые творил кайтагский уцмий в отношении жителей аула Варсит, отказавшихся платить ему налоги. Безжалостно истребив большинство из них, он поселил на брошенные ими земли теркеменцев.

По другому преданию, распространенному в народе, уцмий при арабах укрепился в Кала-Корейше, затем стал жить в Уркарахе, где построил себе дворец, обзавелся хозяйством. Уркарахцы были вольными людьми, но уцмий не считался с их правами, всячески издевался над местным населением и притеснял его. Уркарахцы собрались на площади и стали кричать, что они не рабы и сумеют сами расправиться с уцмием. По совету одного из стариков люди сделали так: они схватили быка, принадлежащего уцмию, и закололи его перед дворцом. Уцмий испугался и послал спросить, что уркарахцы хотят сделать с мясом. Тогда люди разрубили быка на куски и бросили мясо собакам. Перепуганный уцмий понял, что это означает, и покинул Уркарах*.

Предания достоверно отражают реальные факты времен правления Кайтагского уцмий. Как известно, власть уцмий в Верхнем Кайтаге была слабее, чем в Нижнем, и всякий раз на попытку его покорения верхнекайтагцы оказывали отчаянное сопротивление. О шилягинцах – жителях верхнекайтагского селения Шиляги – кайтагцы рассказывают как о людях смелых, мужественных, самоотверженных. В одном из преданий говорится, что в окрестностях Шиляги находилась местность Гурмыш, владельцем которой был некий Султан-бек. Как-то уцмий, гуляя по местности, увидел красивую лошадь Султан-бека. Он предложил Султан-беку продать ее ему, но тот отказался, ответив ему следующим образом: «Мои сыновья не хуже тебя, они так же хорошо ездят на этой лошади, как и ты». Разозлившись, уцмий отправил своих нукеров, и те угнали у Султан-бека и овец, и лошадь. Тогда Султан-бек обратился за помощью к шилягинцам, и те помогли ему угнать овец уцмий с горы Кади-бубура [18].

В даргинских преданиях отразились и события Кавказской войны. В них они связываются с именем Бук-Магомеда, наиба Шамиля, посланного им в помощь жителям селения Шиляги, сопротивлявшимся местному владельцу Джамав-беку. Пытаясь покорить местное население, Джамав-бек обратился за поддержкой к царским войскам. Угроза Джамав-бека: «Или вы станете моими лагами (рабами), или же я призову царские войска» возымела действие, и в помощь шилягинцам был послан отряд Бук-Магомеда. Об этих фактах известно предание [19], рассказанное от имени Сеида Абдурахима Джамалэтдина Хусейна (зятя Шамиля), которое носит чисто информативный характер, так как представляет правдивое повествование о достоверных событиях того времени с указанием конкретных имен и места действия. Для управления и борьбы с царскими войсками кайтагцы обратились к имаму с просьбой прислать им кого-нибудь из наибов. Шамиль послал к ним некоего Яхья-Хаджи, но тот не мог пробиться к ним и вынужден был вернуться с дороги. Такая же неудача постигла и его преемника Омара Салтынского. Тогда был послан Бук-Магомед. Он достиг намеченной цели: проник в селение Шиляги вместе со своим отрядом, принял командование над кайтагцами и укрепился там. Против него были стянуты большие силы. Длился упорный бой, и тяжело раненный Бук-Магомед был вынужден сдаться, его отвели к хану Джамав-беку, где он через несколько дней скончался.

Документальность и историзм этого предания бесспорны, так как из истории известно, что в 1850 г. Шамиль организовал два похода против царских войск, предводителем одного из которых был храбрый и бесстрашный военачальник Бук-Магомед. У аула Шиляги произошло сражение, в котором отряд Бук-Магомеда был разбит, а сам он ранен, затем доставлен в

* В центре Уркараха до сих пор существует пригорок под названием Уцмила-бек, на котором стоял дом уцмий и перед которым произошел описанный случай (Р.М. Магомедов).

Дербент, где от полученных ран скончался. Ценность подобных повествований в том, что они объективно отражают исторический смысл событий, достоверны, носят локальный характер, связаны с конкретной географической местностью и конкретными историческими лицами.

Известен и другой вариант [20] предания о Бук-Магомед, который со временем стал символизировать бесстрашие, героизм и отвагу горцев. Стремясь к более обобщенному показу героических событий прошлого, желая придать им должную окраску, усилить их этическое и эстетическое воздействие, народ по-своему отражал те или иные события действительности. И в таких случаях достоверность излагаемых событий, их документальность отходят на задний план, а на смену конкретизации поступков приходят приемы гиперболизации образа, преувеличения его силы и мощи, контрастность действий. Так, в названном варианте предания Бук-Магома не погибает, а предстает победителем. Внимание рассказчика здесь уделено не столько объективному ходу событий, сколько образу Бук-Магомы, описанию его личных доблестных качеств.

В фольклоре кумыков, аварцев, даргинцев известна песня «Бук-Магомед» (см. [21]), явившаяся поэтическим отголоском реальных событий, а бытующие у кайтагцев прозаические повествования, в частности приведенные предания, могут служить примером, подтверждающим наличие общих элементов (сюжетов, мотивов, образов) в разных фольклорных жанрах.

Исторические предания, как уже отмечалось, художественно воспроизводят подлинные, реальные исторические события и факты. Однако под влиянием соответствующих социальных факторов некоторые из них, трансформируясь, переплетаются с различными элементами и мотивами других жанров. В таких случаях утрачиваются черты реальности, достоверности, конкретизации, усиливается их идейно-эстетическое звучание.

Из большого количества текстов исторических преданий мы рассмотрели лишь некоторую группу сюжетов. К сожалению, рамки данной статьи не позволяют провести развернутый и обстоятельный сюжетно-тематический разбор всего разнообразия исторических преданий. Такая задача может быть поставлена в специальных трудах и монографических исследованиях, так как фактический фольклорный материал настолько богат, интересен и своеобразен, что ждет своего исследователя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 1968. 145 с.
2. Магомедов Р.М. Легенды и факты о Дагестане. Махачкала, 1969. 240 с.
3. Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала, 1979. 141 с.
4. Алиев Б.Г. Предания, памятники и исторические зарисовки о Дагестане. Махачкала, 1988. 128 с.
5. Магомедов Р.М. Исторические этюды. Махачкала, 1975. Вып. 3. 270 с.
6. Из архива Булача Гаджиева.
7. Магомедов Р.М. Легенды и факты о Дагестане. С. 36.
8. Из сообщения Мусы Кулиева // Алиханов Р. Кубачинские очерки: Записки мастера // Искусство Кубачи. Л., 1976. С. 16.
9. Азбелев С.Н. Отношение предания, легенды и сказки к действительности // Славянский фольклор. М., 1965. С. 12.
10. Жирков Л.И. Язык аула Кубачи // Учен. зап. Ин-та этнических и национальных культур народов Востока. М., 1930. Т. I. С. 256.
11. Предания и легенды народов Дагестана // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 1981. С. 164.
12. Криничная Н.А. Русская народная проза. М., 1987. С. 166.
13. Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1971. С. 171.
14. Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. С. 40.
15. Зап. нами в 1980 г. от И. Халилова в сел. Урари Дахадаевского района РД. Перевод наш. Опубл. под названием «Ишак помог» в кн.: Алиева Ф.А. Даргинские народные сказки. Новые варианты известных сюжетов. Махачкала, 2006. С. 145.
16. Магомедов Р.М. Исторические этюды. Махачкала, 1975. Вып. 2. С. 240.
17. Умаханов М.-С.К. Антифеодальная борьба в Дагестане в XV–XVI вв. // Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980. С. 84.
18. Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. С. 42.
19. Шульгин С.Н. Предание о шамилевском набе Хаджи-Мурате // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1909. Вып. 40. С. 54–70.
20. Зап. М. Исаев в 1988 г. от А. Ибрагимова в с. Маджалис Дахадаевского р-на РД.
21. Аджиев А.М., Абакарова Ф.О. Героико-исторические песни // Традиционный фольклор народов Дагестана. М., 1991. С. 75.

Поступила в редакцию 01.07.2015 г.
Принята к печати 28.09.2015 г.